

A detailed landscape painting depicting a horse-drawn carriage on a dirt path. Three brown horses are harnessed to the carriage, moving away from the viewer towards the right. The scene is set during a golden sunset, with the sun low on the horizon, casting a warm glow over rolling hills and a forest of evergreen and deciduous trees. The sky is filled with soft, colorful clouds. In the foreground, there are tall grasses and scattered autumn leaves. The overall mood is peaceful and nostalgic.

Игорь Михайлов

**ПЕПЕЛЬНАЯ
ПОЭМА**

Игорь Михайлов
ПЕПЕЛЬНАЯ ПОЭМА

«Автор»

2026

Михайлов И.

ПЕПЕЛЬНАЯ ПОЭМА / И. Михайлов — «Автор», 2026

«Пепельная поэма» И. Михайлова — это редкий случай, когда дерзость замахнуться на святое окупается абсолютным талантом стилизации и глубоким пониманием первоисточника. Автору удалось главное: он не стал «улучшать» Гоголя или морализаторствовать над ним. Он позволил миру «Мёртвых душ» снова зажить своей абсурдной, пыльной, лукавой и бесконечной жизнью. Эта повесть читается на одном дыхании, вызывая то хохот, то ту самую гоголевскую грусть, когда «смешно, и правдиво». Чичиков снова в пути. И слава богу, потому что пока он едет, Россия продолжает узнавать себя в этой кривой, пыльной и гениальной колее. Оценка: 10/10. Блестящая стилизация, достойная того, чтобы её печатали на бумаге, пахнувшей типографской краской и дорожной пылью.

© Михайлов И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПЕПЕЛЬНАЯ ПОЭМА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

ПЕПЕЛЬНАЯ ПОЭМА

ПЕПЕЛЬНАЯ ПОЭМА

И. Михайлов

Пепел стучится в дверь. Отворите — там Чичиков.

Предисловие от издателя

Читатель благосклонный!

Ты, верно, уже слышал печальную весть: второй том «Мёртвых душ» сожжён самим Николаем Васильевичем Гоголем в ночь на 24 февраля 1852 года. Сожжён — и, казалось, навсегда. Ибо что есть пепел? Пепел есть молчание, которого не перекричать.

Мы, издатели, не берем на себя смелость отделить зёрна от плевел. Мы поступили проще: взяли всё, что хоть отдалённо напоминало гоголевский слог — живую речь, лукавую усмешку, любовь к дорожной пыли и чиновничьим бакенбардам, — и свели в одну книгу. Получилось то, что вы держите в руках.

Верить ли в подлинность? Не наша печаль. Гоголь умер, а Чичиков, как известно, бессмертен. И бричка его всё ещё скачет где-то между Калугой и Рязанью, и Ноздрёв всё ещё врёт, и Собакевич торгуется. Пусть же эти главы будут не памятником, а скорее — эхом. Или даже не эхом, а предчувствием того второго тома, который автор, может быть, и не сжигал вовсе, а спрятал в долгий ящик, чтобы мы сами его дописали.

Посему — печатаем без исправлений. И да помилует нас всех Николай Васильевич, где бы он ни странствовал ныне.

А если вам, читатель, покажется, что здесь слишком много кур, — знайте: кур было бы ещё больше, не вмешайся редактор.

Издательство «Департамента фантазий», Санкт-Петербург, лето 2026 года

Глава первая, в которой повествователь сетует на дороги, встречает старых знакомых и замечает, что на Руси, кроме мёртвых душ, завелась иная, весьма беспокойная порода живых.

I

Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни? Зачем рыться в людском соре, вытаскивать на свет божий ту грязь, от которой воротит нос и щиплет глаза? Но что делать, если уже сама природа русского человека такова, что он прозревает только сквозь тернии укоризны? И, право, есть какая-то горькая услада — выводить на чистую воду тех, кто сам от себя бежит, как чёрт от ладана.

Но довольно предисловий. Всякий уже знает, что Павел Иванович Чичиков, наш не то чтобы злодей, но и не герой, а так, — особа обстоятельная, — выехал из города N в бричке своей, запряжённой тройкой, которая, как известно, подобралась было на одной ноге, но по настоятельной просьбе Селифана была перекована у городского кузнеца. И теперь бежали кони не хуже прежнего, а даже с каким-то остервенением, будто чуяли за сто вёрст сытный овёс и мягкую подстилку.

В дороге Павел Иванович пребывал в размышлениях. Нельзя сказать, чтобы они были приятны. Прокурор, как назло, помер, а новые закладные на имение Хлобуева так и не оформились. Ноздрёв, чёрт его дери, наговорил лишнего, однако ж, слава богу, слухи поутихли. В душе у Павла Ивановича завелась какая-то странная, дотоле незнакомая ему ржавчина. Ему

казалось, что он чего-то не догнал. Как купец, который считает барыш, но чувствует, что обсчитали его на чём-то очень важном, но не может ухватить — на чём именно.

— Эх, русская душа! — думал он, покачиваясь на ухабах. — Любишь ты, чтобы всё было широко, да привольно, да чтоб без отдачи. И кажется тебе, что райские кущи наступят завтра, а сегодня — лишь бы проехать на шару. Да нет, я тебя, братец, объеду. Я тебя на грош куплю, а вывезу на рубль.

Тут он крикнул и полез в табакерку.

II

Дорога, как водится, петляла между перелесками, полями, изредка попадались деревеньки, которые глядели не сказать, чтобы весело: избы кособокие, риги покосившиеся, а кое-где и вовсе торчали одни печные трубы — верный знак того, что мужик либо ушёл на заработки в город, либо, того хуже, числится по ревизским сказкам, да только душу богу отдал.

— Селифан! — крикнул Чичиков, выглядывая из брички. — Спрашивай у встречных, как проехать к имению генерала Бетрищева. Слышал я, там человек живёт один, помещик молодой, Тентетников... Вроде бы человек с душой, а в хозяйстве — разорение. Значит, есть чем поживиться.

— Слушаю-с, Павел Иванович, — отозвался Селифан, который в последнее время стал задумчив необыкновенно и даже как-то философически поглядывал на лошадей. — Только тово... Дороги-то там, баят, худые. И перевоз через речку...

— Перевоз, перевоз! — перебил Чичиков. — Деньги на перевоз есть. Ты, братец, лучше гляди в оба, а то опять, как в прошлый раз, заговоришься с какой-нибудь бабой, да и свернёшь к кабаку, думая, что там райские кущи.

Селифан обиделся, но промолчал. Петрушка, сидевший на козлах рядом, усмехнулся в кулак и тотчас же отвернулся, делая вид, что читает какую-то бумажку, найденную на дороге — ибо пагубная привычка к чтению всё не покидала его, хотя грамота давалась ему с трудом, и смысл прочитанного неизменно ускользал, оставляя лишь приятное ощущение от шуршания страниц.

III

Имение, в которое они въехали, было странной смесью запустения и барственных затей. Господский дом глядел на мир бог знает, как — то окнами в сад, то задом к пруду, на котором плавали утки с совершенно обалделым видом. Деревья в саду росли не там, где им следовало расти по плану, а там, где бог послал семя. В одном месте торчала беседка, выкрашенная в лиловый цвет с надписью: «Храм уединённого размышления», но дощатый пол в ней уже провалился, и в щель торчала крапива.

В доме Чичикова встретил сам хозяин — Андрей Иванович Тентетников. Это был человек лет тридцати, с прекрасными, полными какой-то томной лени чертами лица. Одет он был в халат, который, однако, был сшит из дорогого сукна, но засален у локтей. На столе стоял неубраный завтрак, валялись книги, но между ними — толстая тетрадь с надписью: «История о Генерал-губернаторе, или Добродетель и порок», начатая три года назад и остановившаяся на третьей странице.

— Ах, Павел Иванович! — сказал он голосом, в котором слышалась и радость, и глубокая тоска. — Какими судьбами? Садитесь, вот только... Петрушка! Убери со стола кочергу. Нет, это не кочерга, это подсвечник. Ах, чёрт возьми, куда же делся мой человек?

— Не беспокойтесь, батюшка Андрей Иванович, — сладко улыбнулся Чичиков, окидывая взглядом комнату и прикидывая, сколько тут можно извлечь выгоды. — Я человек простой, неприхотливый. Приехал я к вам, можно сказать, по делу, которое, смею надеяться, будет вам интересно. Есть у меня одно предложение, касающееся... гм... упорядочения ваших счетов и приобретения некоторого рода... документов.

Тентетников вздохнул, посмотрел в окно на уток и сказал:

— А не хотите ли сначала чаю, Павел Иванович? А то в последнее время у меня всё пошло как-то... с маху. Вот вы говорите — дела. А я думаю: для чего всё? Земля есть — и нет её. Крестьяне есть — а работать не хотят. Что же приобретать? Разве что новые хлопоты?

Чичиков чуть не поперхнулся от такого цинизма. Как? Кто-то не хочет приобретать? Кто-то видит в мёртвых душах — хлопоты? Да это же был клад, а не помещик! Но Павел Иванович был опытен: он понял, что с таким меланхоликом надо действовать иначе — не торгом, а чувством.

— Эх, Андрей Иванович, Андрей Иванович! — воскликнул он, вставая и подходя к окну. — Посмотрите на этих уток. Плывут себе, выгоду свою знают: где мелко — ныряют, где глубоко — плывут надменно. Так и человек. А вы говорите — «для чего». Для того, чтобы потомкам осталась память! Чтобы ваше имя, как звонкая монета, ходило по рукам!

Тентетников поднял на него свои прекрасные, грустные глаза.

— Звонкая монета? — переспросил он. — Ах, Павел Иванович. Я читал одного немецкого философа. Он пишет, что всякая монета — это зло. И что истинное счастье — в отсутствии желаний.

Чичиков побледнел, но не от страха, а от ужаса. Человек без желаний! Да это чудовищнее любого взяточника и расточителя. С таким если и не договоришься, то... а, впрочем, почему же? В отсутствии желаний есть свой козырь.

— А позвольте вас спросить, Андрей Иванович, — медленно, с расстановкой произнёс Чичиков, — если вам так противна монета, то, может быть, вы... из дружбы... просто подарите мне опись ваших крестьян, которые... ну, скажем так, которые отбыли в лучший мир, но считаются живыми? Это вас ни к чему не обяжет. А мне — для одного благородного предприятия...

— Подарить? — Тентетников задумался. — Пожалуй. Мне всё равно. Только это же хлопотно — бумаги писать. Ах, как не хочется писать бумаги, Павел Иванович...

Чичиков чуть не задушил его в объятиях, но сдержался. Таких людей он любил больше всего на свете.

IV

Но не успел Павел Иванович развить свою мысль о благодетельной скуке русского барина, как в дверь ворвался запыхавшийся лакей в рваной ливрее и заорал не своим голосом:

— Барин! Там... там приехали! Из города! Чиновники! Много! И с ними какой-то господин, что на вас в суд подаёт! И генерал-губернатор сам едет!

Чичиков, вскочивший было с места, сел обратно, ибо ноги его вдруг обмякли, как у ватного херувима.

— Какой суд? — пролепетал он. — Какие чиновники? Я человек законопослушный!

Тентетников же, напротив, впервые за вечер оживился. Глаза его загорелись, на щеках появился румянец.

— Вот это интересно! — сказал он. — Скандал! Судебная тяжба! А я и не знал, что наш сонный уезд способен на такое. Павел Иванович, неужели вы... того... того?

— Я ничего такого! — воскликнул Чичиков, но в душе его ледяной червь зашевелился. «Кому я перешёл дорогу? Неужели прокурорский племянник? Или тайная канцелярия прознала про мёртвые души? Нет, быть не может! Всё было так гладко, так чисто...»

С улицы послышался топот копыт, звон колокольчика и громкий, начальнический голос, который требовал немедленного выхода и предъявления документов.

— Вот так история, — прошептал Павел Иванович, хватаясь за боковой карман, где лежала знаменитая шкатулка. — Начинается, кажется, вторая часть моей поэмы, и, по чести сказать, зачин выходит тревожный.

А за окном, в лиловой беседке, буйно цвела крапива, и утки на пруду, испугавшись шума, снялись и полетели куда-то в сторону, туда, где над горизонтом, чуть заметная, клубилась

дорожная пыль, и в ней мерещилась уже не птица-тройка, а судейская карета, крытая жёлтым сукном, от которой никуда не ускачешь, хоть ты трижды русский человек.

Глава вторая, в которой автор вынужден извиниться за обилие чиновников, а Павел Иванович совершает самое неожиданное движение в своей жизни.

I

Нет ничего скупее, чем описывать чиновничью суету. Иной писатель нанизывает их, как на вертел: одного с бакенбардами, другого с залысиной, третьего с вечно мокрыми от пота воротничками — и думает, что вышла картина нравов. Но что толку? Чиновник, он и в Африке чиновник: любит, чтобы ему кланялись в пояс, и ненавидит, когда его заставляют работать. Однако же делать нечего — сунулись они в двери, а куда от них денешься? От чиновника, если он на службе, увернуться труднее, чем от назойливой мухи в жаркий день.

Итак, в гостиную Тентетникова ввалились, того и гляди поломают косяки, следующие особы: исправник — человек, у которого голова всегда была занята мыслью, как бы усидеть на месте, но при этом казаться грозой уезда; заседатель земского суда — с лицом, напоминающим старый сапог, с которым по ошибке заспиртовали живую душу; и какой-то маленький, очень юркий господин в клетчатом сюртуке, которого Чичиков сразу не узнал, но сердце его ёкнуло. А за ними, широко расставив локти, как петух, собирающийся пет, шёл сам полицмейстер нового розлива — не тот, которого Чичиков знал в городе N, а какой-то присланный из столицы, с необыкновенно блестящими пуговицами и со взглядом, который говорил: «Я вас всех раскусил».

— Господин Чичиков? — спросил этот полицмейстер голосом, который хотел быть громовым, но получился гнусавым, ибо говоривший только что высморкался в платок с генеральскими вензелями.

— К вашим услугам, — ответил Павел Иванович, кланяясь тем особенным, гибким поклоном, который он употреблял для людей с властью, — но, признаться, я несколько... удивлён. Не могу ли узнать причину столь... торжественного визита?

«— Причина, сударь мой», — сказал полицмейстер, вынимая из кармана засаленную бумагу, — самая что ни на есть законная. Поступают на вас жалобы от помещиков разных губерний: госпожа Коробочка изъявила сумнение, что вы у неё... того... приобрели мёртвые души обманом, а господин Ноздрёв — вы его знаете? — изволил засвидетельствовать, что вы пытались подкупить его детей и даже, по его словам, "вели себя бесподобно, как настоящий мошенник". Кроме того, обнаружилась некая подложная опись на имение, числящееся за двумя владельцами сразу.

Чичиков побледнел, но не растерялся.

«— Всё это, ваше высокоблагородие, клевета и недоразумение», — сказал он плавным голосом. — Госпожа Коробочка — женщина преклонных лет, немного не в себе. Она думала, что я покупаю души на вывод, а я покупал на... ну, скажем, на вязание варежек. А Ноздрёв — известно, какой человек: он свою собственную мать продаст за бутылку рома.

Тут маленький юркий господин в клетчатом сюртуке подскочил к Чичикову и пронзительно крикнул:

— А меня узнали? А? Я-то вам не клеветник! Я — Шпонька! Тот самый Шпонька, чью карету вы заложили в прошлом году, а лошадей продали на ярмарке как своих!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.